

УДК 903.052 + 908(571.12)

Ю.П. Чемякин

КУЛЬТОВАЯ МЕТАЛЛОПЛАСТИКА СУРГУТСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дана общая характеристика культовой металлопластики раннего железного века, происходящей из Сургутского Приобья, рассматриваются ее истоки и датировка. Выполнена первичная группировка всей совокупности изделий, приведена статистика соотношения основных групп (типов) литья по регионам. Сравнение сургутских коллекций с металлопластикой из других регионов распространения кулайской культурно-исторической общности выявило своеобразие культового литья эпохи раннего железа Сургутского Приобья, его эволюцию, отличную от эволюции литья Томско-Нарымского Приобья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, кулайская культура, металлопластика.

Исторически сложилось так, что под кулайской металлопластикой традиционно понимают предметы, происходящие с территории Томско-Нарымского и Верхнего Приобья. Нарымское Приобье и сейчас нередко воспринимается как «ядро кулайской культуры». И это несмотря на то, что материалы, полученные за последние 40 лет активных работ на севере Западной Сибири, демонстрируют местный генезис кулайских древностей и в других регионах [1; 2. С. 60–66; 3. С. 378–382].

В связи с этим встает вопрос о времени и месте появления «кулайского» литья, а также о самом понятии «культовое литье» и его различных стилях. Абсолютное большинство изделий из Томско-Нарымского Приобья происходит из случайных сборов или из памятников, не содержащих узко датирующий материал или керамику. Тем не менее Л.А. Чиндина разделила всю совокупность кулайской металлопластики на три типа и соотнесла их с васюганским и саровским этапами [4. С. 40–43, 72–76]. В результате проведенной «корреляции типов литья с соответствующими датирующими сериями вещей и керамикой» она пришла к выводу, что I тип возник и господствовал в пределах V–III вв. до н.э., II тип зародился во II в. до н.э., а III – не ранее III в. н.э. [4. С. 106, 107]. По ее мнению, возможно, в VI в. до н.э. культовые предметы еще не появились. Удачную, на наш взгляд, попытку пересмотреть датировку находок кулайской металлопластики (из так называемых кладов и культовых мест) в сторону сужения их хронологических рамок предпринял Я.А. Яковлев [5. С. 243–257]. Сделанный им анализ показывает, что собственно кулайское литье вряд ли появляется ранее III в. до н.э., и мы с этим согласны. Однако единичные изделия отливались уже на предыдущем (белоярско-васюганском) этапе, и даже в конце эпохи бронзы. Об этом говорят находки в

среднеиртышских могильниках эпохи бронзы Черноозерье I и Боровянка XVII антропоморфных изображений, соответствующих некоторым иконографическим типам кулайских личин и фигур [6, 7]. Е.А. Васильев отмечал находку фигурки медведя, выполненной в технике плоского литья, вместе с атлымскими сосудами (X–VIII вв. до н.э.) на поселении Шеркалы XIII в. Нижнем Приобье. По его мнению, она находит ближайшие аналогии среди кулайских древностей [8. С. 190]. Две подделки вместе с алтымской керамикой недавно найдены на селище Мохтикьёган 8 в Сургутском Приобье [9. С. 50]. Что касается понятия «культовое литье», то наше отношение к нему, а также к выделению его различных стилей в таежной зоне Северной Евразии высказано в ряде статей [10. С. 216–217].

В одной из последних работ, посвященных кулайскому литью, Ж.Н. Труфанова также ограничилась анализом находок из Томско-Нарымского, Новосибирского и Барнаульского Приобья [11. С. 13]. При этом она отметила, что материалы с территорий Сургутского Приобья, Среднего и Нижнего Прииртышья «несравнимы с верхнеобскими в количественном отношении» и существенно отличаются от них в морфологическом отношении [12. С. 57]. Нами проведен статистический анализ находок с территории, занимаемой кулайской КИО, от Барнаульского Приобья на юге до Нижнего Приобья на севере, включая такие ее варианты, как фоминская, среднеиртышская и усть-полуйская культуры. Он показал, что в Сургутском и Нижнем Приобье их значительно больше, чем в Томском и Верхнем. Так, в Нарымском Приобье найдено 195 изделий, в Томском – 40, в Верхнем – 7, в Нижнем – более 400. Из Прииртышья с памятников кулайской, кашинской и богочановской культур происходит не менее 77 культовых поделок.

В Сургутском Приобье культовая металлопластика найдена на 50 памятниках и представлена 196 изделиями. Абсолютное большинство поделок происходит из раскопок. Их датировка соответствует времени существования памятников, определяемому по типам керамики, датирующим вещам, радиоуглеродным методом и т.д. Еще недавно самые ранние образцы культовой металлопластики связывались с белоярской АК. Сейчас в бассейне р. Аган найдены две ажурные поделки вместе с атлымской керамикой (X–VIII вв. до н.э.). Они представляют собой небольшие ажурные фигуры в виде параллелограмма и овала [9. С. 50].

В том же районе на селище Мохтикёган 4 вместе с ранней белоярской керамикой была найдена личина, венчавшая древовидную (с изгибами) вертикальную пластину. Радиоуглеродный анализ угля с этого селища дал даты 2440 ± 60 и 2400 ± 120 лет, т.е. VI–V вв. до н.э. [9. С. 54–55]. Всего же мне известна 21 поделка, происходящая с 11 белоярских памятников [13. С. 238. Рис. 1, 1, 3–9, 11–13, 15–17, 19, 23, 24]. Из них 2 отнесены к древовидным изображениям (тип I, подтипы 2, 5), 12 – к зооморфным (тип II), представленным различными видами подтипов 1 и 6, 2 – к орнитоморфным (тип III, вид 1А) и 5 – к антропоморфным (тип IV, личины подвидов 1Аа и 1Ба и фигуры видов 2А, 2Б и 2В). В настоящей статье применена типология, использованная в работе, посвященной металлопластике Барсовой Горы [13]. Таким образом, в белоярское время налицо преобладание простых зооморфных фигурок, стилизованных настолько, что определять их видовую принадлежность среди представителей местной фауны представляется бессмысленным. Не исключение и поделки, изображающие «змей»: ряд исследователей видит в них солярную символику. Согласно типологии, предложенной Я.А. Яковлевым, их можно отнести к подгруппе Г группы 1 типа I – изображения пресмыкающегося [5. С. 158–161]. По крайней мере одна из поделок [13. Рис. 1, 11] напоминает фигурку змееподобного существа, найденного на р. Парабель [5. С. 229], и похожего существа с Саровского культового места [5. С. 76, 77. № 23]. Другая фигурка [13. Рис. 1, 12] близка змеевидным (спиралевидным) изделиям с кулайского культового места на Соровских озерах [14. Рис. 6, 2, 8, 28]. Что касается древовидных изображений, то это название достаточно условное. В вытянутой подтрапецевидной фигурке, увенчанной шестью спаренными отростками [13. Рис. 1, 3], можно увидеть и стилизованную антропоморфную личину, напоминающую личину с сели-

ща Барсова Гора III/19 [13. Рис. 1, 1]. Другую фигурку можно назвать пламевидной [13. Рис. 1, 13].

На Барсовой Горе в жилищах белоярской культуры найдены самые ранние орнитоморфы Сургутского Приобья, датированные серединой I тыс. до н.э. Небольшие по размерам, с опущенными вниз крыльями, они напоминают подобные изделия иткульской культуры и синхронны им [13. Рис. 1, 21; 15]. На многослойном городище Стрелка (бассейн Б. Югана) вместе с белоярской керамикой была найдена ажурная плоскоголовая антропоморфная фигурка [16. С. 316. Рис. 6]. Ближайшей аналогией ей является напасская находка, отнесенная к васюганскому этапу [4. С. 42. Рис. 17, 1]. К типу плоскоголовых относится и подтреугольная личина с селища Барсова Гора III/19, увенчанная головным убором (?) с двумя разветвленными отростками [13. Рис. 1, 1]. Она напоминает древовидные изображения. Достаточно оригинально, но с соблюдением кулайских канонов, выглядят круглоголовые личина и фигура с селища Барсова Гора IV/10 [13. Рис. 1, 23, 24].

Семь вещей из белоярской коллекции сделаны в технике плоского безрельефного литья, столько же – в технике плоского рельефного литья, остальные – плоские с минимальными элементами рельефа. Пять–шесть фигурок с некоторой долей условности можно отнести к ажурным [13. Рис. 1, 11, 13, 16, 23, 24], и лишь одна отвечает этой группе литья полностью [16. Рис. 6].

С собственно кулайской культурой связаны 163 культовые поделки. Они обнаружены на 31 памятнике. Наиболее многочисленны антропоморфные изображения: 75 личин, 24 фигурки и 4 обломка с сохранившимися личинами. Среди личин есть одинарные [9. С. 60, 63, 64; 13. Рис. 2, 13–16; 5, 7, 10–12; 14. Рис. 6, 20; 17. Рис. 1, 2, 4–29; 18. С. 96–101. № 1–12] и сдвоенные [13. Рис. 2, 17; 14. Рис. 6, 12]. Они различаются пропорциями и формой головы (конические, или остроголовые, округлые и усеченные, или плоскоголовые), наличием/отсутствием головного убора, дополнительных голов животных (птиц, антропоморфов) сверху и т.д. Варианты выделяются по наличию/отсутствию рта (что может быть следствием литейного брака или сохранности), форме глаз и рта (круглые, овальные или прямоугольные, vyplненные одной/двумя горизонтальными рельефными линиями или рельефным замкнутым контуром, с ресницами), наличию вертикальных дуговидных или прямых линий на щеках, прямому, зубчатому или с «шишаком» посередине верха, а также наличию боковых ответвлений с отростками в районе шеи, петель на месте ушей и т.д. У ряда

личин в верхней части головы, над глазами, двумя выпуклыми отрезками изображен угол вершиной вверх (головной убор? шлем?) [17. Рис. 1, 11, 16, 26, 27]. Среди полиморфных изделий есть орнитоморфы и зооморфы с антропоморфными личинами [13. Рис. 4, 9; 5, 8; 18. № 19; 19. Рис. 2, 17], личины присутствуют на груди ряда орнитоморфных фигурок и даже одной зооморфной [2. Рис. 79, 25]. Они выполнены в технике высокого рельефа [13. Рис. 6, 5; 14. Рис. 6, 7], тонкими желобками [13. Рис. 6, 7, 8], а также гравировками [13. Рис. 6, 7, 8].

Антропоморфные фигуры различаются по степени полноты, пропорциями, реализмом. По первому критерию выделяются целые, или полные, фигуры и редуцированные, или усеченные, а также с условным «туловом». Среди первых есть реалистичные, схематичные и фантастические (сочетающие антропо- и зооморфные черты). Фигурки различаются также пропорциями (соотношением длины головы и туловища), видами личин. К реалистичным нами отнесены антропоморфы, изображения которых соответствуют человеческим фигурам [13. Рис. 4, 5]. Среди них есть с косами [18. С. 105, № 20] и без них, фланкированные зооморфными фигурами [18. № 15] и т.д. Руки фигур сложены внизу. По мнению А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой, изображения фронтально стоящей мужской (воинской) фигуры со сложенными на животе руками появляются в западносибирском литье в начале I тыс. н.э. и бытуют как минимум до IX в. [18. С. 102].

К схематичным фигурам отнесены так называемые «большеголовые» антропоморфы, отличающиеся от редуцированных фигурок Томско-Нарымского Приобья тем, что имеют и верхние, и нижние конечности, иногда весьма условные [14. Рис. 6, 4, 9, 19, 26, 28, 30, 31]. При этом некоторые практически лишены тулова [14. Рис. 6, 9, 26, 28], и их можно рассматривать в группе личин, у которых вместо рук отлиты какие-то фигуры [13. Рис. 2, 14, 16]. Здесь также есть изделие, фланкированное зооморфами [13. Рис. 5, 4]. Антропозооморфные поделки представлены фигуркой с медведеподобным туловом [13. Рис. 6, 6], ажурным «тяни-толкаем» с двумя личинами на концах [13. Рис. 5, 8], личиной с птичьим (?) туловом [13. Рис. 4, 9]. Последняя напоминает выгравированное антропоорнитоморфное существо на подвеске из кулайского могильника Нивагальское 34 [20. Рис. 7. С. 92]. Так же, как у нее, двумя парами коротких отростков изображены ноги и крылья у бронзового орнитоморфа из Саровского культового места [5. С. 68–69]. Возможно, в этой же группе

следует рассматривать и антропоморфа со спиралью (змеей?) на месте тулова [14. Рис. 6, 28] из Саровского ритуального места.

Еще 5 фигурок имеют условное «тулово». Это остроголовая фигурка в подтреугольном головном уборе с невыделенной шеей, от которой отходят два коротких широких выступа (руки?), и прямоугольным «туловищем», на котором выпуклым рельефом нанесена ромбическая сетка [13. Рис. 2, 1]; личина с туловом в виде солярного символа или свернувшейся змеи (?), отличающаяся отсутствием конечностей [14. Рис. 6, 2], близкая упомянутому антропоморфу со змеей; две ажурные фигурки с ромбическими личинами и ромбическим же «туловом» разных вариантов [13. Рис. 5, 13, 14]; ажурная фигурка с трапецевидной личиной и «туловом» в виде контурной рамки с выступами, направленными внутрь и наружу [13. Рис. 4, 4].

Зооморфные кулайские изображения в Сургутском Приобье представлены 31 экземпляром. Доминирует образ медведя – различные подвиды вида А и вид Б [2. Рис. 79, 25, 86, 44–48; 13. С. 223, 225]. На городище Барсов городок 1/20 найдена фигурка в виде распластанной шкуры медведя (?) [19. Рис. 2, 10], полные аналоги которой есть на кулайских керамических сосудах [21. Рис. 1, 1, 4]. Интересно изображение «всадника» на медведе с поселения Сырой Аган 6 [19. Рис. 2, 17]. Медвежьи черты присутствуют и на ряде полиморфных образов (антропозооорнитоморфных) [13. Рис. 6, 7, 8]. Менее представительны куны (или хтонические существа? [13. Рис. 5, 4, 5]) и оленеподобные животные. К последним нами были отнесены две поделки с некоторыми чертами северных оленей [13. С. 225, 226. Рис. 5, 3, 6]. Недавно найдены еще два изделия, сравнимые с изображениями лосей. Единственное пока парное изображение бобров обнаружено в могильнике Агрньёган 1 [9. С. 63]. Там же найдена полиморфная бляха с антропоморфами, фланкированными фигурками бобров [9. С. 65]. Среди находок в Сургутском Приобье присутствуют и изображения гадов, причем не только самостоятельные [13. Рис. 2, 9; 14. Рис. 2, 8; 18. № 13, 14], но и в составе сложных образов (см. орнитоморфную фигурку с медвежьей головой, на груди которой, наряду с личинами, выгравирована спиралевидная линия – змея (?) [13. Рис. 6, 8]; также [14. Рис. 2, 2, 28]). Предварительно можно выделить два иконографических вида – ползущие и свернувшиеся в спираль (кольцо) гады. Последние иногда интерпретируются как солярные символы.

Достаточно разнообразны в регионе орнитоморфные изделия (21 экз.). Среди них есть одно-

головые и трехголовые, с одновидовыми и разновидовыми, плоскими и рельефными головами, усложненные зоо- и антропоморфными образами [13. С. 226–229. Рис. 2, 6, 7; 4, 3; 6, 1, 2, 4, 5, 7, 9; 14. Рис. 6, 7, 34, 36]. Часть из них снабжена петельками на обратной стороне. Орнитоморфы раннего и среднего этапов кулайской культуры Сургутского Приобья либо лишены головы, либо она представляет собой простой выступ. Этим они напоминают изделия белоярской и иткульской культур. С начальным этапом кулайской культуры в Сургутском Приобье связана находка на городище Барсов городок III/6 [13. Рис. 6, 5]. На груди этой поделки изображена личина, что в литературе обычно считается поздним признаком [5. С. 250; 22. С. 186, 188]. Памятник предварительно датирован III–II вв. до н.э. [2. С. 90–91]. На поздних изображениях, нередко рельефно, переданы головы хищных птиц, как дневных (орлы, соколы), так и ночных (совы, филины).

Несколько поделок кулайского времени отнесены к разным подтипам условно древовидных изображений. Среди них есть вещи, напоминающие отливки иткульской культуры [13. Рис. 2, 2, 3], а также древовидные фигуры, похожие на ветки с отростками [13. Рис. 1, 10, 14, 18; 4, 1]. Некоторые из них можно назвать и стилизованными зооморфными изображениями (хтоническими существами?).

Сравнивая кулайские изделия с белоярскими, отметим смещение акцента с зооморфных на антропоморфные изображения, большую реалистичность и усложненность образов первых. В кулайское время появляются и украшения с антропо- и зооморфными (в том числе орнитоморфными) сюжетами, на обратной стороне которых есть ушки (петельки). Преобладают изделия, выполненные в технике плоского рельефного литья. Вещи, сделанные вообще без элементов рельефа, редки. Большинство фигурок сплошные, лишь 21 (восьмую часть) можно отнести к ажурным. Изделия с петельками/ушками (подвески, нашивки), появляющиеся на рубеже эр – в начале I тыс. н.э., нередко сделаны по более сложным технологиям. Они отличаются высоким рельефом, тщательной вторичной обработкой, качеством металла, что можно связать с импортом (?).

Сравнение бронзовой художественной пластики Сургутского Приобья с металлопластикой всего ареала кулайской общности показывает, с одной стороны, ее оригинальность, а с другой – близость кулайскому литью из других территорий. Эта близость проявляется в наличии общих сюжетов, стилистике и иконографии многих изображе-

ний (наличие ажурности, скелетный стиль, приемы оформления личин и т.п.). В то же время в отличие от восточного ареала (Томско-Нарымского и Верхнего Приобья) доля ажурного литья здесь незначительна, а сами фигурки отличаются большей миниатюрностью. Среди сюжетов высок процент антропоморфных образов, почти нет копытных (лосей), а среди хищных чаще угадывается образ медведя. Полностью отсутствуют так называемые «геометрические композиции» [11. С. 14], в том числе диадемы. Зато есть древовидные изделия. В Нижнем Приобье, где также преобладает сплошное миниатюрное литье, многие изображения имеют иную иконографию, в них чувствуется приуральское влияние. Там найдено меньше личин, но больше зооморфов и антропоморфных фигур, к тому же отличающихся от сургутских иконографией.

Беглое сравнение коллекций, происходящих из разных районов кулайской КИО, показывает их своеобразие, наличие, наряду со сходством, различий и по иконографии, стилистике, и по сюжетам. Вероятно, как минимум, можно будет говорить о томско-нарымском, сургутском и усть-полуйском (нижнеобском) вариантах кулайского литья. Поэтому эволюцию предметов культового литья, прослеженную на томско-нарымских материалах, следует с известной осторожностью переносить на другие территории кулайской общности. В то же время своеобразие отдельных регионов вполне укладывается в рамки образов, распространенных в урало-сибирской тайге, что позволяет говорить о едином транскультурном феномене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. С. 218–219.
2. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
3. Чемякин Ю.П. Кулайская культурно-историческая общность // II Северный археологический конгресс: докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 376–403.
4. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
5. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 274 с.
6. Стефанов В.И. Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. 2004. № 4. С. 114–118.
7. Погодин Л.И., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 170–194.

8. Васильев Е.А. Исследования в Нижнем Приобье // АО-1981. М.: Наука, 1983. С. 189–190.
9. Первалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
10. Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Археология Евразийских степей. Вып. 8. Елабуга, 2009. С. 216–238.
11. Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистика-иконографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук / УдмГУ. Ижевск, 2003. 26 с.
12. Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистика-иконографический анализ): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 207 с.
13. Чемякин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 24. С. 214–245.
14. Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Сорочинских озёрах // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 207–218.
15. Борзунов В.А. Раскопки на Барсовой Горе // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 378–380.
16. Кардаш О.В., Пономарева Т.М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 312–321.
17. Чемякин Ю.П. Антропоморфная металлопластика раннего железного века Барсовой Горы // Шестые Берсовские чтения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 147–153.
18. Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.
19. Федорова Н.В., Чемякин Ю.П. Образ медведя в пластике эпохи раннего железа Сургутского и Нижнего Приобья // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 256–266.
20. Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 82–110.
21. Чемякин Ю.П. Изображения медведей на кулайских сосудах с Барсовой Горы // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 21–28.
22. Савин А.Н., Солодская О.В. Традиционные элементы художественной металлопластики кулайской культуры // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 181–189.